

но не могли поднять рукъ; церковный староста плакалъ о своихъ тяжкихъ грѣхахъ, писарь спалъ сидя, только Дуля и Левка вполнѣ выдерживали борьбу и громко вызывали новаго бойца, т. е. третью полъ-ведерку. Но Терентій настолько еще сохранилъ память и разсудокъ, чтобъ во-время уйти домой, забывши въ кабацкѣ шапку. Правда, ноги его описывали геометрическія фигуры весьма капризной формы, но онъ ясно сознавалъ, что побѣда — за нимъ и, проходя мимо хаты Андрея, снисходительно улыбнулся и прибавилъ: «дурень же ты, Андрей, коли думалъ штофами удовольнить этихъ кабановъ заводскихъ!»

VI.

— Такъ вотъ оно какъ, Андрей Семенычъ!.. Завтра и судъ будетъ! Ужъ разсудимъ, какъ слѣдуетъ... Это ты не безпокойся!..

Это говорилъ Максимъ Дуля. Они стояли посреди самой улицы, не подалеку отъ кабака и оба обращенные лицами къ нему же, такъ что, повидимому, имъ только и оставалось, что идти въ кабакъ. Однако они не шли. Андрей даже не глядѣлъ туда, а обратилъ свой взоръ къ кладбищу. Онъ теперь боялся заглянуть въ кабакъ. Эге! знаемъ мы васъ. Туда только попади! А тамъ (откуда они берутся только и какъ они чуютъ!?) сейчасъ такъ и облѣпять тебя и судьи и не судьи.

— Такъ завтра, завтра, Андрей Семенычъ! — продолжалъ Дуля и въ его хитрыхъ, многоопытныхъ глазкахъ появилось что-то очень коварное. — А на дняхъ мы здорово намазались!.. — прибавилъ онъ невзначай.

— Кто? — разсѣянно спросилъ Андрей, потому что не удивиться же ему, что, напримѣръ, Дуля намазался.

— Мы! Всѣ какъ есть! Весь судъ! Ну, и Левка тутъ былъ, ужъ онъ всегда въ такой часъ поспѣетъ... И тытарь (ктиторъ, церковный староста), и еще мужики... А славно, я тебѣ скажу...

Это ужъ показалось Андрею подозрительнымъ. Не на свой же счетъ намазалась эта компанія.

— Кто-жъ поставилъ? — спросилъ онъ.

— Терешка Здыбай!..

— Кто-о?

— Терешка Здыбай! Хе, хе! Да какъ поставилъ!? Сначала — сразу это: — полъ-ведерку! А тамъ опять — другую!.. Ну, выходитъ — ведро! На-ка-ча-а-лись, я тебѣ скажу!

Андрея точно облило всего кипяткомъ. Такъ Терешка, зна-